

---

*Специальная тема выпуска:
Проблемы современной
психометрической диагностики*

Приглашенный редактор — А.Д. Наследов

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

В психодиагностике выделяются два методических подхода: психометрический и клинический. До относительно недавнего времени, как отмечала в 2012 г. профессор Жанна Марковна Глозман, психометрический подход был характерен для большинства зарубежных методик, а клинический — для отечественных. Однако материалы рубрики «Психодиагностика» нашего журнала за последние несколько лет свидетельствуют о том, что психометрический подход в отечественной психодиагностике быстро развивается и становится преобладающим. На наших глазах происходит существенное повышение качества публикаций в этом направлении и начинается формирование четких и достаточно высоких психометрических стандартов разработки и адаптации новых методик диагностики. Статьи данного выпуска в полной мере демонстрируют эту тенденцию и представляют вниманию отечественных психологов шесть новых психодиагностических методик.

В работе А.А. Золотаревой представлена русскоязычная адаптация шкалы тяжести киберхондрии (Cyberchondria Severity Scale-12, CSS-12) как склонности к чрезмерному и повторяющемуся поиску в Интернете информации о симптомах различных заболеваний. Конфирматорный факторный анализ позволил выявить бифакторную структуру русскоязычной версии CSS-12, включающую общий фактор киберхондрии и четыре специфических фактора: 1) компульсивности, или склонности прерывать повседневную деятельность из-за онлайн-поисков; 2) дистресса, или негативных эмоциональных последствий поискового поведения; 3) чрезмерности, или повторных поисков, связанных с информацией о здоровье; 4) неуверенности, или потребности в медицинских консультациях после онлайн-поисков. Подтверждены надежность и

конвергентная валидность шкалы киберхондрии, что делает ее ценным инструментом для исследования этого феномена.

В работе А.Д. Наследова, Л.О. Ткачевой и С.А. Мирошникова представлен конфирматорный подход к анализу разработанной авторами ранее шкалы аутизма для быстрого выявления (скрининга) риска развития аутизма у детей 3–4 лет с точностью более 85%. Сорок бинарных пунктов шкалы образуют четыре фактора (субшкалы), по которым дети с расстройствами аутистического спектра (РАС) отличаются от детей без РАС. Применен «пакетный» подход, подразумевающий объединение (парцелляцию) пунктов, входящих в один фактор, в несколько пакетов пунктов, позволяющий «усилить» исходные измерения от бинарных к количественным. Исходное предположение о «векторной» структуре симптомов РАС, свойственной и для детей без РАС, с меньшей выраженностью этих симптомов, не подтвердилось. Однако наличие выделенных векторов подтверждено для разных частей выборки детей с РАС: мальчиков и девочек, детей 3 и 4 лет. С учетом полученных результатов обработка данных по скрининговым шкалам реализована в онлайн-скрининге, доступном по адресу: <https://ras.testpsy.net/>.

Статья Д.С. Шумской, А.В. Трусовой и А.О. Кибитова посвящена разработке и оценке психометрических свойств краткой русскоязычной версии шкалы импульсивности Барратта (BIS-11), позволяющей измерять импульсивность в трехфакторной структуре — моторную импульсивность, импульсивность внимания и импульсивность планирования. В результате применения эксплораторного, а затем конфирматорного факторного анализа авторам удалось убедительно подтвердить трехфакторную структуру русскоязычной версии шкалы импульсивности, состоящую из четырнадцати утверждений. Эта версия шкалы может использоваться как с исследовательскими, так и с практическими целями, расширяя знания об импульсивности как о многофакторном конструкте.

В статье Н.Б. Шумаковой, Е.И. Щеплановой и М.Г. Сороковой представлены результаты стандартизации опросника «Климат в классе» — модификации русскоязычной версии опросника «Школьный климат». Эксплораторный факторный анализ данных опроса 2543 школьников позволил выявить шестishкальную структуру опросника, факторная валидность которой была подтверждена при помощи конфирматорного факторного анализа. Шкалы опросника позволяют оценить следующие аспекты климата в классе: «Поддерживающий учитель», «Сотрудничество с одноклассниками», «Организация работы в классе», «Соперничество с одноклассниками», «Давление школьной среды», «Вовлеченность одноклассников в учебу». Подтверждены надежность шкал по внутренней согласованности пунктов, их конвергентная и дифференциальная валидность. Опросник может быть рекомендован школьным психологам для применения в практике психолого-педагогического сопровождения разных групп школьников.

Работа Я.С. Лякиной, А.А. Фёдорова и А.Р. Тео представляет адаптацию русскоязычной версии «25-пунктного опросника хикикомори», недавно разработанного А. Тео с коллегами и прошедшего успешную адаптацию в Японии и

других странах. Хикикомори — форма патологического социального ухода или социальной изоляции, сопровождающаяся выраженными функциональными нарушениями или переживанием дистресса. Феномен хикикомори был включен в DSM-5-TR как пример культурной концепции дистресса, поскольку впервые был описан в Японии, но встречается во многих странах с другим (и азиатским, и европейским) культурным контекстом. Конфирматорный факторный анализ на двух разных выборках показал приемлемое соответствие данных бифакторной модели опросника с одним общим фактором (выраженность признаков хикикомори) и тремя специфическими (социализация, изоляция, эмоциональная поддержка). Подтверждены надежность по внутренней согласованности и ретестовая надежность общей шкалы и субшкал. Получены убедительные свидетельства конвергентной, дивергентной и критериальной валидности опросника. Русскоязычная версия HQ-25 может применяться в научно-исследовательских целях для изучения и лучшего понимания людей, подверженных риску хикикомори.

В статье М.И. Ясина и О.Е. Хухлаева изложены результаты русскоязычной адаптации англоязычного опросника «Стремление к когнитивной закрытости» А. Круглянки и Д. Вебстер, включающего в оригинальной версии пять вопросов «шкалы лжи» и сорок два вопроса, представляющие пять шкал: «Стремление к порядку», «Стремление к предсказуемости», «Решительность», «Избегание двойственности» и «Стремление к закрытости мышления». Применение конфирматорного факторного анализа позволило получить приемлемые показатели согласия оригинальной пятифакторной структуры исходным данным при сокращении количества пунктов опросника до тридцати восьми. Авторы отмечают, что пятифакторная структура не является хорошо согласованной моделью, однако подобные проблемы наблюдают исследователи и в процессе других языковых адаптаций теста, не исключая и его англоязычный оригинал. Представленные в статье данные могут быть полезными для понимания уже существующей практики применения опросника «Стремление к когнитивной закрытости», для использования его полного пятифакторного варианта на русском языке, а также для дальнейшей работы над операционализацией конструктора когнитивной закрытости.

Стоит отметить, что статьи рубрики «Психодиагностика» демонстрируют не только высокие психометрические стандарты, но и наличие нескольких дискуссионных проблем разработки/адаптации психодиагностических методик. Во-первых, если применяется эксплораторный факторный анализ, то насколько корректно вместо него использовать анализ главных компонент? Ведь в силу того, что проблема общности в последнем случае не решается, компонентные нагрузки заметно превышают соответствующие факторные нагрузки, и это может вводить исследователя в заблуждение. Во-вторых, при использовании конфирматорного факторного анализа наблюдаются разночтения в строгости индексов согласия. Это, вероятно, отражает тот факт, что на протяжении последних десятилетий наблюдается тенденция к повышению требований к строгости согласия моделей исходным данным. Например, рекомендации относительно приемлемой величины нормированного хи-квадрат

(χ^2/df) варьируются от 5.0 (B. Wheaton в 1977 г.) до 2.0 (B. Tabachnick и L. Fidell в 2007 г.). Значение RMSEA от 0.05 до 0.10 ранее считалось показателем хорошего соответствия (R. MacCallum и др. в 1996 г.), но позже консенсусом становится пороговое значение, близкое к 0.06 (L. Hu и P. Bentler в 1999 г.), или строгий верхний предел в 0.07 (J. Steiger в 2007 г.). Та же тенденция наблюдается в отношении других индексов согласия. В-третьих, относительно нижнего порога показателей надежности шкалы по внутренней согласованности пунктов: можно ли считать достаточно надежной шкалу, если, например, альфа Кронбаха заметно ниже 0.7? Наконец, в-четвертых, следует ли наперекор индексам согласия и/или показателям надежности стремиться во что бы то ни стало воспроизводить структуру оригинальной методики при ее русскоязычной адаптации? Ведь при переводе методики мы используем в качестве исходного набора пунктов те, которые остались в оригинальной методике после тщательного отсева «лишних» пунктов из гораздо большего их исходного числа. Поэтому, в силу межкультурных различий, вполне ожидаемо сокращение исходного набора пунктов и, вероятно, искажение оригинальной структуры методики.

Осознание и даже обострение подобных дискуссионных проблем – закономерное следствие динамичного развития современной отечественной психодиагностики. Их решение, безусловно, будет способствовать дальнейшему повышению психометрических стандартов диагностических методик, но на смену им неизбежно придут новые проблемы, так как нет предела совершенству.

А.Д. Наследов